

УДК 378.1

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРУКТУРНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МЯГКОЙ СИЛЫ

Батурин Владимир Степанович

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,
профессор кафедры философии и теории культуры,
доктор философских наук, профессор
E-mail: baturin_vs@mail.ru

Аннотация

Сфера образования сегодня превратилась в своеобразный социальный полигон, где во всем многообразии проявляется столкновение различных векторов взаимовлияния мягкой силы. Как отмечается, результативность разнонаправленности ее проявления в отдельных случаях даже вообще может идти вразрез с общей тенденцией структурных и ценностных трансформаций, осуществляемых на постсоветском пространстве в сфере образования.

Ключевые понятия:

мягкая сила (soft power), ценности образования, вузовское образование, частный вуз, частное образование, «дипломоцентризм», «студентоцентризм», квазидиплом.

Сегодня перспектива развития молодых постсоветских государств во многом зависит от тех практических шагов, которые реально демонстрировали бы их переход на правила и нормы жизни, по которым существует весь современный цивилизованный мир. Но это сопряжено с необходимостью осуществления ими коренных качественных изменений практически во всех сферах их жизни. Раньше изменения подобного рода, даже на территории отдельно взятой страны, как правило, происходили под давлением жесткой силы (hard power). И они являлись следствием разгула насилия, массовых народных волнений, кровопролития, развязыванием войн или осуществления революций. Сегодня же им на смену приходят совсем иные технологии социальной самоорганизации общества.

Наглядным подтверждением тому может служить как сам распад системы социализма, так и последовавшие за этим на его территории радикальные социальные преобразования. Замыслы против Советского Союза, с целью его уничтожения, что преследовались при развязывании второй мировой войны, стали осуществляться совсем по другим сценариям. В их основе доминирующим стало проявление влияния совсем иной – «мягкой силы» (soft power). Однако, это влияние и по своим масштабам, и по результативности в ряде случаев оказывается сродни проявлению жесткой силы. И это несмотря на то, что «термин soft power может быть расшифрован как сила (мощь, власть, энергия), обладающая свойствами, присущими некоей «мягкой» материи» [6, с. 174].

Своеобразие характеристик данной «мягкой» материи, тем не менее, вполне однозначно и довольно жестко предопределило собой четкие рамки и этапы дальнейшей структурной трансформации социальных процессов на территории всего постсоветского пространства.

Естественно, что на этом фоне вопросы актуальности и значимости трансформации непосредственно такой сферы, как образование были отодвинуты как бы на второй план. А если что-то и делалось в этом направлении, то оно осуществлялось зачастую вопреки как декларируемому, так и логике должного развития самой данной сферы.

Наглядным подтверждением тому может служить, к примеру, перепрофилирование постсоветского вузовского образования из системы «подготовки кадров» в сферу по оказанию образовательных услуг. Причиной тому, как известно, послужило Генеральное соглашение между странами-членами ВТО (Всемирной Торговой Организации) по торговле услугами – (ГАТС), согласно которому сфера образования предстала в нем в качестве одного из его секторов [3]. В этой связи, именно стремление постсоветских государств оказаться среди членов ВТО и предопределило собой весь тот калейдоскоп дальнейших структурных и ценностных изменений, который и стал осуществляться ими в данной сфере.

В литературе пока еще нет устоявшегося представления о сущности понятия «образовательная услуга». Как правило, оно включает в себя ее возможности в «удовлетворении разнообразных образовательных потребностей», возникающих в обществе в целях «повышения стоимости рабочей силы» в лице потребителя этих услуг, с целью улучшения «конкурентоспособности» последних на рынке труда и т. д. [5].

Сам факт превращения постсоветскими государствами своих систем образования в один из секторов сферы услуг явился своеобразной точкой бифуркации, предопределивший собой их переход в состояние постоянной «хронической» неустойчивости, неопределенности и нестабильности. Наглядным примером чего может служить судьба их вузовских систем, которые стали испытывать на себе всю мощь многовекторного и разнонаправленного «мягкого» влияния со стороны ряда вполне определенных факторов.

Здесь следует особо отметить, что приоритет в выборе ими вузовской системы для осуществления радикальных преобразований в данной сфере был отнюдь не случайным. Ведь именно она оказалась тем системообразующим звеном, качественная перестройка которого автоматически предопределила

собой все многообразие изменений, последовавших за этим как в до-, так и послевузовском образовании.

Прежде всего, ее изменения предопределили собой закат безраздельного господства государства в сфере образования. Вследствие чего именно в сфере высшего образования этих государств, «как грибы после дождя», стали появляться частные вузы. Процессуально это стало сродни открытию различного рода частных фирм, предприятий, ТОО и т. д. При этом открываемые вузы, как правило, претендовали на названия не ниже, чем университет или академия. И, что характерно, под «мягким» влиянием лицензионной формы открытия частных вузов данный же способ стал обязательным для получения разрешения на оказание образовательных услуги и для вузов государственных.

В итоге, это привело к тому, что, к примеру, на сегодня в Казахстане «Высшую школу представляют 125 вузов (2013–2014 учебный год – 132 единиц, 2014–2015 учебный год – 127 единиц), из них 9 национальных, 31 государственный, 13 негражданских, 1 автономная организация образования, 1 международный, 16 акционированных, 54 частных» [1].

Подобная же картина, в различных вариациях, наблюдается и в других постсоветских государствах. Так, «В 1980–90-х годах в России система высшего образования – это около 500 вузов. <...> По данным Минобрнауки к началу 2014 года в России насчитывалось 593 государственных и 486 негосударственных высших учебных заведений с 1376 и 682 филиалами, соответственно» [4].

В этом плане и в Киргизии за годы независимости количество высших учебных заведений заметно выросло – от 12 в 1991 году до 53 в 2014–15 году. В их число входят 34 государственных и 16 частных учреждений [8, с. 112].

Здесь следует отметить, что при переводе высшего образования в разряд сферы услуг практически на всем постсоветском пространстве неожиданно дал о себе знать мощнейший вектор «мягкого» влияния, который по достоинству так еще и не оценен.

Дело в том, что весь калейдоскоп структурных нововведений в высшей школе, привычно определяемый по указанию сверху, основной массой населения бывших союзных республик по-прежнему воспринимался с ориентацией на все те же ценности, которые были характерны для старой, советской вузовской системы. Ведь раньше диплом для его обладателя, как правило, являлся надежным гарантом дальнейших значительных позитивных изменений в его личной судьбе. А для некоторых он представлял собой едва ли не единственную возможность по-настоящему «выбиться в люди».

И молодые государства, похоже, оказались просто неготовыми к противостоянию, натиску и мощности влияния этих прежних представлений о подобной значимости вузовского диплома. Что породило собой даже своеобразный бум в виде «дипломоцентризма». Причиной которому стала нацеленность основной массы выпускников средней школы на поступление только в вуз.

Признание, к примеру, в Казахстане результатов единого национального тестирования (аналога ЕГЭ в России, или общереспубликанского тестирования в Кыргызстане и т. п.) в качестве пропуска выпускников для дальнейшего обучения именно в вузе, автоматически перепрофилировало ценностные ориентиры

системы среднего образования на ярко выраженный «студентоцентризм». Погоня в процессе тестирования за количеством набранных баллов превратилась в своего рода самоцель, потеснив собой значимость подлинных знаний, получаемых в процессе обучения в средней школе.

Одновременно все это значительно подорвало престижность получения выпускниками средних учебных заведений специальностей и профессий, стоящих ниже вузовского статуса. Что уже привело к серьёзным негативным последствиям в сфере подготовки рабочих-профессионалов и специалистов со средним специальным образованием.

Кроме того, на картину столь разительных перемен в подобной структурной и ценностной трансформации вузовского образования на всем постсоветском пространстве оказал свое действенное «мягкое» влияние и вектор, обусловленный интересами к данной сфере со стороны самих этих государств.

Похоже, что желание все и вся держать под своим контролем, столь характерное для административной системы управления советского времени, все еще долго будет оставаться в цене. Примером тому может служить реальное положение дел с наличием в постсоветских государствах так называемого частного сектора в вузовском образовании. Несмотря на его наличие, при этом, как правило, для государственных и так называемых частных вузов одинаково обязательными являются единые классификаторы специальностей; единые государственные общеобязательные стандарты; правила и процедуры государственного контроля за качеством образования и т. д. В конечном итоге, выпускники всех частных вузов, наравне с выпускниками государственных вузов, получают дипломы единого государственного образца. Однако плата за обучение в государственных и частных вузах является далеко не одинаковой.

Игнорирование этого обстоятельства, само по себе, становится довольно-таки весомым основанием для снятия отдельными вузами с себя ответственности за должный качественный уровень предоставляемых образовательных услуг. Что, кстати, в целом создает весьма благоприятные условия для возникновения всевозможного рода «контор по продаже дипломов», демонстрирующих удивительную способность по изыскиванию вариантов получения всеми желающими заветного диплома с минимальными для этого затратами. И вектору данного «мягкого» влияния со стороны множющихся соблазнов, в определенной степени, уже удастся повлиять даже на изменение ценностных ориентиров самой системы образования.

Ставка на максимальное удовлетворение спроса, ориентированного на привлекательность перспективы получения диплома с минимальными издержками, способствует тому, что теперь уже предложение начинает оказывать свое упреждающее «мягкое» влияние на динамику спроса. Ведь в соответствии с канонами общества потребления, обвально множасьщиеся соблазнительные предложения ненавязчиво подталкивают желающих не останавливаться на количестве уже имеющихся у них дипломов. Тем самым обрекая каждый новый диплом на его неминуемое «устаревание». И подобного рода «коллекционирование дипломов», похоже, уже входит в моду не только среди «потребителей образовательных услуг». Под влияние данного веяния все больше попадают и сами работодатели,

в силу заманчивости предложения с минимальными издержками заполучить обладателей как можно большего числа дипломов.

Однако это неминуемо ведет к девальвации ценности дипломов как таковых, превращая их в квазидипломы, в одну из разновидностей обвально множасьихся сертификатов. И уже в постсоветских государствах на фоне заметного роста числа освоивших образовательные вузовские программы растет нехватка дипломированных специалистов действительно вузовского уровня. А для исправления подобного рода ситуации все настойчивее звучат предложения о необходимости подтверждения уже имеющегося диплома о высшем образовании еще одним аттестатом, который свидетельствовал бы о должном уровне квалификации его обладателя.

Все это, в конечном итоге, ведет к тому, что погоня за «коллекционированием» вузовских дипломов лишает образование самого главного – ориентацию вуза на универсальное оспособление своих выпускников к различным видам будущей деятельности, основанном, в первую очередь, на умении творчески, нестандартно и самостоятельно мыслить.

На практике же выходит, что сведение различия между государственным и негосударственным секторами образования, традиционно по «указке сверху», в большей мере только к источникам их финансирования, лишает их возможности быть подлинными конкурентами между собой. Что, само по себе, словосочетание и «частный вуз», и «частное образование» лишает их подлинного смысла, превращая их в своего рода квазипонятия, весьма далекие от того действительного смысла, которым им пытаются придать.

И даже стремление, к примеру, Казахстана с 2021 года полностью отказаться от выдачи дипломов о высшем образовании гособразца, существенно не изменяя при этом характер и содержание состояния дел в этой сфере, вряд ли поможет кардинально изменить данную ситуацию [7].

В то же время наличие в стране действительно негосударственной сферы образования, не только по названию, но и по своей сути, нисколько не противоречит ни «букве», ни «духу» Болонского процесса. Ведь последний, наоборот, ратует за проявление «принципа многообразия» в национальных образовательных системах различных государств.

Однако при всей привлекательности звучания данный принцип представляет собой весьма жёстко заданный вектор «мягкого» влияния. Могущество этого влияния состоит в том, что вовлечение без угроз и принуждений в процесс международного сотрудничества в сфере образования постсоветских государств, при достижении всех тех ценностных ориентиров, которые, к примеру, декларируются документами Болонского процесса, диктует им вектор осуществления необходимых преобразований.

Так, практически все эти государства приступили к реализации двухуровневой системы образования (бакалавриат-магистратура). При этом получение квалификации (степени) «бакалавр» предусматривает срок обучения не менее 4 лет. А получение квалификации (степени) «магистр» состоит из программы обучения бакалавра по соответствующему направлению подготовки не менее двухлетней специализированной подготовки.

Правда, при этом практически на всем постсоветском пространстве, за исключением, пожалуй, Казахстана, государства сохранили у себя подготовку кандидатов и докторов наук. И это несмотря на то, что, например, Россия присоединилась к Болонской конвенции еще в сентябре 2003 года. А Киргизия является членом ВТО с 1998 года.

В Казахстане же уже с 2011 года применяется только трехступенчатая модель подготовки специалистов: бакалавр–магистр–доктор PhD. При этом докторантура представляет собой «послевузовское образование, образовательные программы которого направлены на подготовку кадров для научной, педагогической и (или) профессиональной деятельности, с присуждением степени доктора философии (PhD), доктора по профилю» [2, глава 1, статья 1, 18–4].

Здесь следует отметить, что радикальная смена своих структурных и ценностных ориентиров в образовании на постсоветском пространстве, проводимая по традиции сверху, производится без должной рефлексии как чужого опыта, так и критического переосмысления своего собственного опыта, уже накопленного за годы их суверенного существования.

Свидетельством тому может служить ситуация на всем постсоветском пространстве, связанная с доминированием сегодня в сфере образования повальной тестомании, возведённой в ранг даже особо значимой государственной политики. Призванная по чиновничьей воле охватить в образовательном процессе всех и вся, она представляет собой не что иное, как прямое натаскивание обучаемых на заранее заготовленные кем-то тесты и ответы на них. Но ведь жизнь меньше всего подвластна воле чиновника и ориентирована на кем-то заранее запланированные варианты вопросов и ответов. Что, в конечном итоге, вряд ли способствует развитию у человека и мыслительных способностей, и творческой инициативы, и должной самостоятельности. А ведь именно эти качества в первую очередь должны быть присущи членам общества, которое не только на словах, но и на деле стремится создать правовое государство с рыночно ориентированной экономикой.

Таким образом, сфера образования сегодня превратилась в своего рода социальный полигон, где во всем многообразии проявляется столкновение различных векторов взаимовлияния «мягкой» силы. И от того, насколько этот фактор будет учтен, а его ресурсы будут задействованы в практике осуществления современных структурных и ценностных трансформаций, и не только в сфере образования, во многом зависят возможности общества наиболее адекватно реагировать на все те вызовы, на которые так богата современная жизнь.

1. Государственная Программа развития образования и науки Республики Казахстан на 2016–2019 годы. Астана, 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://iqaa.kz/images/Laws/госпрограмма_2016.pdf.

2. Закон Республики Казахстан «Об образовании» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747.

3. Классификатор услуг ГАТС («Классификационный перечень секторов услуг») [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospravo.ru/files/sites/40>

82eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf.

4. Количество вузов в России [Электронный ресурс]. URL: <http://info-magazin.ru/catalog/122/18933/>.

5. Образовательная услуга: понятие, особенности, классификация [Электронный ресурс]. URL: <https://psyera.ru/4118/obrazovatel'naya-usluga-ponyatie-osobennosti-klassifikaciya>.

6. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (Soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.

7. С 2021 года МОН РК планирует полностью отказаться от выдачи дипломов о высшем образовании государственного образца [Электронный ресурс]. URL: http://testent.ru/news/s_2021_goda_mon_rk_planiruet_polnostju_otkazatsja_ot_vydachi_diplomov_o_vysshem_gosudarstvennogo_obrazca/2016-07-01-1305.

8. Статистический ежегодник Кыргызской Республики – Архив публикаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

References

1. Gosudarstvennaya Programma razvitiya obrazovaniya i nauki Respubliki Kazaxstan na 2016–2019 gody. Astana, 2016 god [E'lektronnyj resurs]. URL: http://iqaa.kz/images/Laws/gosprogramma_2016.pdf.

2. Zakon Respubliki Kazaxstan «Ob obrazovanii» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 11.07.2017 g.) [E'lektronnyj resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747.

3. Klassifikator uslug GATS («Klassifikacionnyj perechen' sektorov uslug») [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.rospravo.ru/files/sites/4082eee697f42d77dec03120ca66fd20.pdf>.

4. Kolichestvo vuzov v Rossii [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://info-magazin.ru/catalog/122/18933/>.

5. Obrazovatel'naya usluga: ponyatie, osobennosti, klassifikaciya [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psyera.ru/4118/obrazovatel'naya-usluga-ponyatie-osobennosti-klassifikaciya>.

6. Rusakova O.F. Koncept «myagkoj» sily (Soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2010. Vyp. 10. S. 173–192.

7. S 2021 goda MONRK planiruet polnost'yu otkazat'sya ot vydachi diplomov o vysshem obrazovanii gosudarstvennogo obrazca [E'lektronnyj resurs]. URL: http://testent.ru/news/s_2021_goda_mon_rk_planiruet_polnostju_otkazatsja_ot_vydachi_diplomov_o_vysshem_gosudarstvennogo_obrazca/2016-07-01-1305.

8. Statisticheskij ezhegodnik Kyrgyzskoj Respubliki – Arxiv publikacij [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.stat.kg/ru/publications/statisticheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/>.

UDC 378.1

SPECIFIC FEATURES OF THE FORMATION OF UNIVERSITY EDUCATION IN THE FORMER SOVIET UNION IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL AND VALUE TRANSFORMATIONS OF SOFT POWER

Baturin Vladimir Stepanovich

Karaganda State University named after E.A. Buketov,
Faculty of philosophy and psychology,
Professor of chair of philosophy and theory of culture,
Doctor of Philosophy, Professor,
E-mail: baturin_vs@mail.ru

Annotation

Nowadays, the sphere of education has become a peculiar kind of social firing ground, where in all its diversity the clash between different vectors of interference of soft power is manifested. As noted, the effectiveness of multi-orientation of its manifestations in some cases may even be contrary to the general trend of the overall structural and value transformations carried out in the former Soviet Union in the sphere of education.

Key concepts:

soft power, values of education, university education, private university, private education, “diploma-centrism”, “student-centrism”, quasi-diploma.